

падали на ея волосы, платье, перелетали ей черезъ голову до постели, скоро ее покрылъ дѣлйй дождь цвѣтовъ.

Маркиза закричала еще разъ замирающимъ отъ страха голосомъ:

— Иветта, послушай, Иветта, отвѣчай же!

Тогда Сервиньи объявилъ:

— Право, это ненатурально. Я вскарабкаюсь на балконъ.

Но кавалеръ протестовалъ:

— Позвольте, позвольте. Это очень большая вольность. Я протестую. Это былъ бы слишкомъ удобный способъ... и слишкомъ удобная минута... для rendez-vous.

И всѣ другіе, полагавшіе, что молодая дѣвушка дурачится, закричали:

— Мы протестуемъ. Это все шутки. Мы его не пустимъ! мы его не пустимъ!

Но маркиза, взволнованная, повторяла:

— Надо же, однако, узнать, въ чемъ дѣло.

Князь объявилъ съ драматическимъ жестомъ:

— Она благоволила къ герцогу. Намъ измѣнили.

— Бросимъ жребій, кому лѣзть на балконъ, — предложилъ кавалеръ.

И вынулъ изъ кармана золотую стофранковую монету. — Я начну съ княземъ: — рѣшетка! — сказалъ онъ.

Вышелъ орелъ.

Князь бросилъ монету въ свою очередь, говоря Савалю: — выбирайте.

Саваль сказалъ: — Орелъ. Оказалась рѣшетка.

Князь обратился къ Тамриву: — ваша очередь.

Молодой человѣкъ сказалъ: Орелъ. Вышла опять рѣшетка.

Выступилъ де Бельвинъ:

— Орелъ, — сказалъ онъ.

Опять оказалась рѣшетка.

Сервиньи, одинъ еще не участвовавшій въ метаніи жребія, объявилъ съ своимъ обычнымъ дерзкимъ видомъ:

— Ба! онъ плуруетъ.

Князь приложилъ руку къ сердцу и протянулъ золотую монету своему сопернику, говоря:

— Бросьте сами, любезный герцогъ.

Сервиньи взялъ и бросилъ ее, крича: — Орелъ.

Вышла рѣшетка.

Онъ поклонился и, показывая на колонны балкона, предложилъ:

— Карбакайтесь, князь.